

ПРЕФАТИО

Здравствуйте, дорогой читатель.

Я бы хотела предложить вам перейти на «ты», но не дождусь здесь ответа, а быть невежливой не хочу.

Если вы уже читали «Песнь Сорокопута» и «Песнь Сорокопута. Ренессанс» в первом издании (с обложками Дарьи, она же Markass), то знайте, что во втором помимо нового оформления, иллюстраций, карты и списка отсылок (который я давно обещала, но преступно тянула) вас ждут ещё дополнительные сцены и главы. Литературным редактором книги была Екатерина Звонцова. Карту Октавии, к слову, тоже рисовала она!

Но давайте обо всём поподробнее.

В руках вы держите переиздание первой книги цикла «Песнь Сорокопута». Мы вложили в него много любви и сил, поэтому надеемся, что вам понравится.

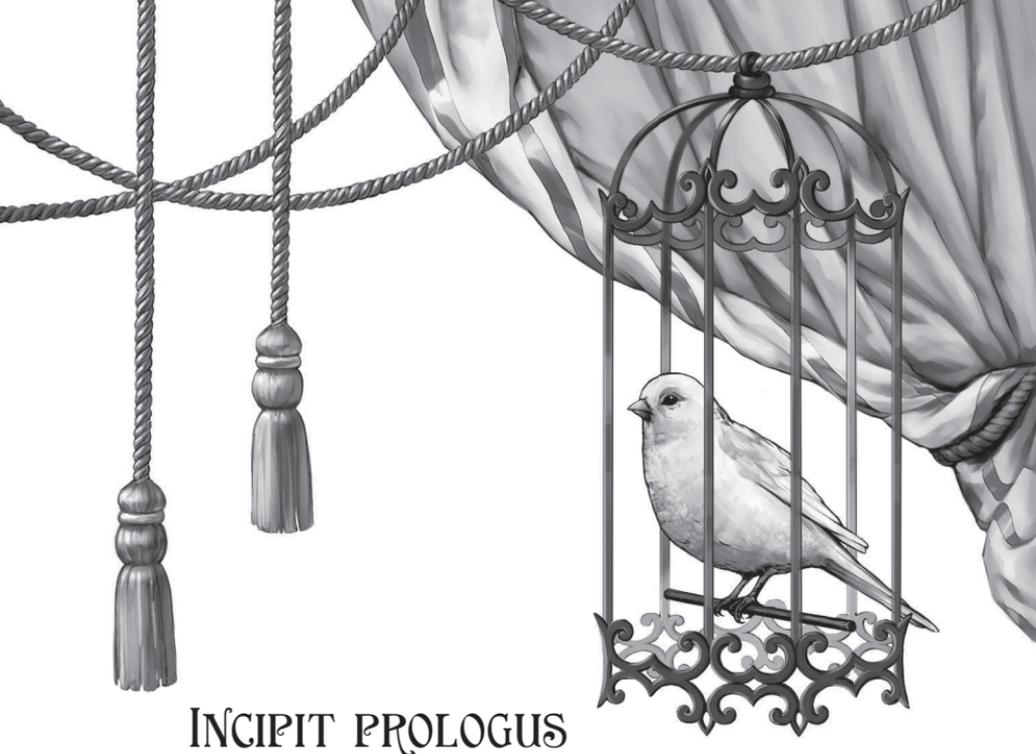
Чтобы цикл мог свободно продаваться, нам пришлось совсем чуть-чуть поработать с его текстом, давайте называть это «аккуратными изменениями», как говорит Кира Фролова, мой ведущий редактор.

Благодаря всему этому Сорокопут теперь широко расправит крылья и устремится вперёд.

Per aspera ad astra. Через тернии к звёздам.

И пусть Сорокопут примет вас в свою семью.

INCIPIIT PROLOGUS

Я кричал, тянулся к нему, но не мог приблизиться ни на дюйм.

На запястьях были наручники; меня приковали к ржавой трубе, по которой ползали мокрицы. Очертания подвала едва удавалось различить в свете тусклой лампочки. Она часто мигала — казалось, вот-вот потухнет, оставив нас троих в темноте.

Джером, прикованный к трубе напротив меня, не кричал, не вырывался — словно смирился с неизбежным. На его лице читалось безграничное отчаяние: брови надломлены, рот испуганно приоткрыт. Он немигающим взглядом смотрел на Скэриэла, как будто боялся, что, если моргнёт, — тот исчезнет.

— Скэриэл! Пожалуйста! — в панике крикнул я, повернул голову к металлической двери и взмолился в пустоту: — Пожалуйста, кто-нибудь! Он умирает! Помогите!

Скэриэл лежал между нами; нож всё ещё торчал из его груди. Кровь медленно окрашивала грязный пол. В тусклом свете она сделалась практически чёрной. Или мне это только казалось.

— Пожалуйста... — прошептал я отчаянно и глухо. — Спасите его...

Слёзы застилали глаза. Запястья саднило там, где серебрястый металл натирал кожу.

Я вновь посмотрел на Скэриэла. Он не двигался, не издавал ни звука; его руки были скованы наручниками за спиной. Он лежал как тряпичная кукла посреди грязного подвала. Я не видел его лица, на которое завесой упали тёмные волосы. Мне так хотелось дотянуться до него, заправить прядь за ухо — тем жестом, который он так любил.

— Всё кончено, — вдруг тихо произнёс Джером и впервые за всё время нашего заточения поднял на меня взгляд, полный жалости. — Это конец.

I

— Господин Готье.

Я обернулся. Наша новая горничная — Лора, девушка-полукровка лет семнадцати, — стояла в дверях гостиной, опустив взгляд и сцепив руки в замок. Мимоходом я отметил, что она чудесно выглядит в чёрном форменном платье до колен и белом переднике. Было заметно, что Лора нервничает — кажется, сегодня она впервые обратилась ко мне по имени, хотя жила с нами уже около месяца. Небольшой срок, но комната в домике для прислуги ей досталась хорошая, ведь она приходится племянницей Сильвии, нашей домохозяйки.

— Господин Уильям просит вас в свой кабинет.

Я ничего не ответил. Она кивнула, словно я что-то ей поручил, и тихо ушла, так и не подняв взгляда.

Прежде я не интересовался, кто занимается покупками, оформляет гостиную к праздникам, — прини-

мал как должное, что три этажа нашего дома и участок всегда в идеальном порядке, мои рубашки отглажены и висят в шкафу, дожидаясь своего часа, а в любое время дня и ночи я могу получить свежеиспечённый хлеб, горячий суп или говядину на гриле. Только недавно я осознал, что вещи не сами возвращаются на места после того, как Габриэлла, моя сестрёнка, раскидает их во время игр; что не по мановению волшебной палочки комнаты обретают прежний вид спустя пару часов после того, как наш старший брат Гедеон в гневе разнесёт половину дома (это случалось в последнее время довольно часто, особенно когда отцу приходилось надолго уезжать). Лишь непривычно тихое поведение прислуги всегда подсказывало: произошло что-то из ряда вон выходящее. Я слышал шёпот тут и там, но стоило мне войти в комнату, как все сразу замолкали и выглядели так, словно их поймали на продаже семейного фарфора.

Помню, как-то, лет в десять, я проснулся рано утром из-за кошмара. Пролежал полчаса и, не сумев уснуть, спустился в кухню выпить стакан воды. Там я внезапно столкнулся с Кэтрин и Фанни: они сонно месили тесто для хлеба. Меня это удивило. Почему они не спят? Зачем готовят в такую рань? Мне довелось увидеть изнанку наших будней.

Оказалось, что Сильвия встаёт ни свет ни заря и руководит всеми слугами: несколько женщин ответственны за уборку, Кэтрин и Фанни — за кухню. Миссис Нар — гувернантка Габриэллы. Теперь появилась ещё и Лора — она пока выполняет простые поручения, учится всему, но, возможно, в будущем, лет через двадцать, займёт место тёти. Ещё есть мой

водитель Кевин, которого можно назвать везунчиком: обязанностей у него поменьше. Он отвозит меня в лицей утром и забирает после обеда. Больше я никуда не выезжаю.

Теперь, зная, сколько трудится наша прислуга, я стараюсь всегда наводить порядок в своей комнате, следить за чистотой, напоминать восьмилетней Габриэлле, чтобы она убирала игрушки. А их, клянусь богом, так много, словно мы целыми днями только и делаем, что, как безумные, скупаем их по магазинам. Детский хлам всюду: бесконечные куклы с одеждой и домиками, плюшевые медведи, рассыпанные по углам пазлы, которые Габриэлла если и собрала бы в цельную картину, то только к старости. Но самое кошмарное — маленькие и острые детали от «Лего». С виду мягкий, светлый ковёр в комнате сестры больше похож на минное поле. Я бы не решился туда зайти ни за какие деньги. А вот Скэриэлу Лоу, моему лучшему другу, там нравится: он с удовольствием пьёт с Габи чай из детского сервиза в окружении мягких зайцев и слонов, что бывает, к счастью, нечасто.

Уже не раз Габи, наслушавшись отца, с детской непосредственностью обрушивала на Скэриэла град вопросов:

— Скэриэл, а вы полукровка? Как Сильвия и Лора? Мой папа говорит, что в Октавии у полукровок никогда не было таких же прав, как у чистокровных. Все полукровки должны работать на чистокровных. А вы тоже работаете? Вы были в Запретных землях? Это очень плохое место.

Но если успокоить Габриэлла мне под силу, то остановить разгневанного Гедеона я никогда и не пытал-

ся: во мне ещё жив инстинкт самосохранения. Геден старше меня на четыре года, но судя по нашим отношениям — на все сорок. Всегда сдержанный и тактичный, брат в то же время подобен вулкану, копящему недовольство долгие годы, а затем извергающемуся так мощно, что лучше сразу разбежаться кто куда. Мне всякий раз стыдно за эти его порывы уничтожить всё вокруг. Не знаю, что чувствует брат, но после своих срывов он не покидает комнату несколько дней. А потом снова появляется всеми уважаемый, порядочный Геден Хитклиф собственной персоной. И так раз за разом.

Я отложил книгу, которую читал, а если быть честным — то последние десять минут рассеянно водил глазами по тексту. Отвлёкшись на свои мысли, я упустил нить повествования задолго до появления Лоры. Обычно я всё время провожу в своей комнате: читаю, играю в приставку, доставшуюся путём долгих и упорных переговоров с отцом, и учусь. Бывает, я с головой ухожу в придуманный мир, переживаю за персонажей игр, книг или фильмов, забываю о семье, да что уж там — о том, что организму банально необходимо есть и спать, но, к счастью или нет, позволить себе такое я могу только на каникулах.

Отец нечасто приглашал меня в свой кабинет, и теперь я готовился к худшему. Он мог опять начать разговор про Скэриэла. Я люблю отца и уверен, что он отвечает мне тем же, вот только он всегда был против проявлений каких-либо нежных чувств. Мы не разговаривали по душам (возможно, и к лучшему; как только я представляю себе столь конфузную ситуацию — хочется аж на стену лезть), не ходили

вместе в кино, в кафе, на стадион, чтобы поболеть за любимую команду по баскетболу или хоккею — ничего такого. Мы с отцом вообще никогда не обсуждали что-либо дольше десяти минут.

Я поднялся на третий этаж, постучал в дверь и вошёл, оглядывая кабинет — просторный, напоминающий скорее личную библиотеку с широким письменным столом в центре. Посмотрел на высокую, статную фигуру отца. Он был занят документами. Выглядело всё так, будто я без приглашения ворвался к нему в разгар рабочего дня.

— Вы хотели меня видеть? — осторожно нарушил тишину я, но он даже не поднял седой головы.

Взгляд привычно зацепился за три фоторамки на письменном столе. Я знал, что на самом большом фото запечатлена мама: молодая, красивая, она тепло улыбалась в объектив. Эта улыбка могла покорить любого. На другой фотографии, центральной, были Гедеон, Габриэлла и я: сестра восторженно позировала, а мы с братом пытались спрятать кислые мины. Помню эту ужасную семейную фотосессию, после которой я зарёкся участвовать в подобном. Последнее фото стояло горизонтально, и на нём было целых девять хорошо одетых, светловолосых юношей — вроде какие-то друзья детства отца. Глядя на этот снимок, я вспоминал, что когда-то и он был озорным и юным. Когда-то очень давно. Наверное, он уже и забыл, что значит озорство.

— Присядь, — наконец кивнул отец.

По его тону я уже чувствовал, что разговор выйдет тяжёлым.

— Как твои дела в лицее? — не отрываясь от очередного документа, спросил он.

Прекрасно — разве по моему табелю, который ты сейчас рассматриваешь, не видно? Я молчал. Не знал, что ответить на, казалось бы, такой простой вопрос. Он получал лист с моими оценками в конце каждой недели. Преподаватели докладывали ему обо всех моих успехах и неудачах раньше, чем я возвращался домой. Иногда мне казалось, что я поступил в этот лицей, потому что у отца там повсюду глаза и уши.

Об этом я много думал в первые годы учёбы. Всё время хотелось выкинуть что-нибудь шокирующее — не прямо чтобы довести отца до инфаркта, но чтобы показать: я могу выйти из-под его контроля. В голове крутились тысячи проделок, хотелось доказать хотя бы себе, что я могу пойти наперекор воле отца, послушаться брата, открыто высказать своё мнение преподавателям, вступить в полемику с одноклассниками — много чего могу. Ведь я был в том возрасте, когда казалось, что море по колено. Однако все мои гениальные планы лопались, как воздушный шарик.

— В следующем году ты поступаешь в академию, готовься усерднее.

Я кивнул. Пока мои опасения не подтверждались. Разговор начинался легко, по крайней мере, сейчас отец выдавал прописные истины. Он отложил табель и посмотрел на меня. К этому оценивающему взгляду я привык. Меня бы больше выбило из колеи, возьми он меня за руку и произнеси что-то трогательное, ну, знаете, в стиле: «Сынок, видел твои оценки, ай да молодец, весь в меня», — вытирая при этом скупую слезу. Я бы рухнул в обморок.

Я сидел, как меня учили: осанка прямая, взгляд открытый. Спокойствие, сосредоточенность, ровный голос, еле заметная улыбка, руки раскрыты — не зажимайся, Готье.

— Ты помнишь про наставников? Тебе нужно будет выбрать наставника из старшекурсников.

Да, наставники. Как я мог забыть, мне ведь напоминали об этом... хм, как минимум двадцать раз в неделю. Постоянно вылетает из головы!

В следующем году, на первом курсе Академии Святых и Великих, ко мне приставят наставника, который будет отвечать за меня. *«Симбиоз юных и зрелых умов. Опыт против неискушённости»*. Так написано в буклете, но на деле всё прозаично до слёз. Старшекурсник поможет мне с адаптацией, поделится советами по поводу учёбы. Я успешно сдам теорию с практикой, а старшекурсник получит баллы за мои старания. И мы с ним, залиvisto смеясь и держась за ручки, побежим по зелёному лугу, и радуга будет переливаться над нашими головами.

Меня передёрнуло.

— Не хочешь наставника? — усмехнулся отец. — Ты можешь попросить Оскара.

Оскар Вотермил, однокурсник Гедеона и старший сын папиного лучшего друга. Мистер Вотермил владеет сетью фабрик по производству элитного алкоголя. Король крепких напитков. Мистер десятибалльное похмелье. В детстве Оскар с Гедеоном дружили, но потом из-за чего-то поссорились. Теперь, если Оскар приходит к нам на очередной официальный банкет, Гедеон неизменно обращается с ним как с заклятым врагом, разговаривает сквозь зубы. Клянусь, мне вечно ка-

жется, что вот-вот произойдёт очередное извержение вулкана по имени Гедеон Хитклиф, и среди первых погибших непременно будет Оскар. Так что уверен: он станет моим наставником, только если я окончательно рехнусь и захочу сжечь все хрупкие мосты братских чувств. День, когда мы с Оскаром будем залиvisto смеяться и бегать по лугу под ручку, станет последним в наших жизнях. Не удивлюсь, если Гедеон пристрелит нас обоих. Двух зайцев разом. Вот удача, да?

— Я подумаю над этим, — выдавил я, понимая, что нужно хоть что-то ответить.

Отец взялся за новую стопку документов и продолжил:

— Или ты можешь попросить брата стать твоим наставником, он как раз будет на последнем курсе. Это оптимальный вариант для вас обоих. Гедеону тоже нужно выбрать первокурсника.

Проще сразу броситься под горячую руку Гедеона, когда он не в духе, чем весь следующий учебный год жить на пороховой бочке. Взорвётся сейчас или через секунду? Успею ли я выпить стакан сока или он запустит в меня своей чашкой раньше? Не помню, когда в последний раз мы с ним полноценно разговаривали. Я мог бы драматично заметить, что забыл, как звучит его голос, но по утрам слышу это сдержанное: «Доброе утро, отец. Вы видели сегодняшние финансовые сводки?» Он учтиво обращается к другим в доме: «Габриэлла, будь так любезна, допей сок», «Сильвия, не приготовите ли вы нам на ужин своё коронное блюдо? Да, то самое, запечённого гуся». При этом он избегает меня, будто любое взаимодействие между нами может привести к ужасающим последствиям.

— Я подумаю.

— Хорошо, — кивнул отец. — Ступай.

Это всё? Неужели он отпустит меня так просто? Наверное, на моём лице отразился весь спектр положительных эмоций, а это редкость. Я так подскочил, что сам себя одёрнул.

На выходе из кабинета отец всё же окликнул меня ещё раз. Прикусив язык, я изобразил ангельское смирение и повернулся к нему.

— Где ты был ночью? Сильвия говорит, что видела кого-то во дворе под твоими окнами, — строго произнёс он, не отвлекаясь от документов.

Почему трудолюбивая и зоркая Сильвия не спит по ночам? Ей вставать рано, а годы-то уже не те. И, кажется, кое-кому, кто слишком шумел, пока добирался до моих окон, стоило оторвать ноги.

— Я спал, отец. — Отчасти это была правда: я спал, пока Скэриэл не появился среди ночи.

— К тебе по ночам ведь не наведывается тот дружок-полукровка? Будь ты девушкой, я бы уже переживал, не принесёшь ли ты мне бастарда в подоле.

«Дружок» — какое противное слово. Я изобразил оскорблённую невинность. Как он мог такое обо мне подумать?! Будь я девушкой, не подпустил бы Скэриэла и на пушечный выстрел. Но тревогу отца можно понять. Скэр производил впечатление, мягко говоря, сомнительной личности. А если начистоту, то, как сказала Кэтрин, когда я случайно подслушал её разговор с Лорой: «Этот Лоу выглядит так, словно пришёл обчистить дом и насрать под дверь».

Весь разговор по душам с отцом занял от силы пять минут, и я бы даже сказал, что вышел он доста-

точно многословным. Бывали дни, когда за всю беседу мне удавалось под конец произнести только: «Я всё понял, могу ли я идти?» Но из этих пяти минут я усвоил многое: отец хочет, чтобы я поскорее определился с наставником, и это могут быть только Оскар или Гедеон. Других претендентов отец не рассматривает. Он в очередной раз напомнил, что я должен больше времени посвящать учёбе, потому что поступить в Академию Святых и Великих (Скэр называл её Академией Жалких Грешников) очень сложно. В конце весны я должен сдать все экзамены на двенадцать баллов и подтвердить средний уровень тёмной материи. Это пугает меня больше всего. Я едва ли владею ею на достаточном уровне. И последнее — отец недоволен моей дружбой со Скэриэлом Лоу. И тем более его ночными визитами, что совсем неудивительно.

Я спустился в гостиную и забрал оставленную на журнальном столике книгу. Больше всего на свете хотелось швырнуть её в камин, но сжигать что ни попадя — прерогатива брата. Сколько стоящих вещей погибло в огне, попав под горячую руку Гедеона. Я не питаю нежных чувств к побрякушкам и безделушкам, но, выкинь он мои любимые книги или игры, я бы очень расстроился. А Гедеон с такой злостью расшвыривает фарфоровые статуэтки, расписные вазы, картины известных и не очень художников, диванные подушки — я уже не говорю о таких мелочах, как книги, которые ему подвернулись в гневе, — что становится просто жаль все эти вещи. И точно я не могу простить ему уничтожение ваз или картин, связанных с мамой, — такое тоже бывало.

Нахмурившись, я посмотрел на книгу, в которой не осилил и двухсот страниц: текст представлял собой нудное, излишне детальное перечисление всех исторических событий начиная с шестнадцатого века. Прочитать книгу и написать эссе было домашним заданием по Истории тёмных сил. Если бы я не боялся плохой оценки — или, скорее, реакции отца на плохую оценку, — моё эссе могло бы выглядеть так: «Я героически прочёл первые двести страниц, а из оставшихся трёхсот сложил оригами. Представляю вашему вниманию моих бумажных собачек и лягушек». Но это больше в духе Скэриэла.

Мне нужно было подняться к себе в комнату и сесть за уроки, но я оттягивал этот момент как мог. Резко захотелось перекусить. Или переодеться. А может, сходить в душ. Или покормить рыбок Гедеона. Они давно живут у брата, и у меня в голове не укладывается, как за всё время аквариум ещё ни разу не был перевёрнут. Даже если рыбки умирали, то естественной смертью, а не оттого, что Гедеон, например, великодушно угостил их пудом соли.

Нет, рыбки — это уже на крайний случай. Я мог бы покормить их перед экзаменами. И тогда готовиться к концу учебного года пришлось бы в отделении реабилитации и интенсивной терапии. Возможно, лицей сделал бы мне поблажку, так как писать тесты со сломанным позвоночником непросто, скажу я вам. Не то чтобы у меня был подобный опыт, но это точно вошло бы в перечень уважительных причин.

Я остановился на перекусе. Фанни на кухне собиралась приняться за ужин; она с радостью согласилась приготовить сэндвич, когда я сказал, что проголодал-

ся. Если честно, я планировал приготовить сам, но мне попросту не дали это сделать. Трапеза заняла не больше десяти минут.

— Господин Готье, что это вы удумали? — Она без церемоний отобрала тарелку. — Идите, я сама помою.

Так зарубили на корню мой благородный порыв помочь прислуге и оттянуть время. Поднимался к себе я как на эшафот, плёлся по ступенькам с лицом мученика, осознавшего, что впереди его ждёт неизбежный ужас в виде домашнего задания. Я отучился в выпускном классе лица только две недели, но этот год уже можно назвать самым тяжёлым в моей жизни.

— Господи. — Я вошёл в комнату и вздрогнул.

Развалившись на кровати, Скэр читал мой ежедневник. Я мысленно похвалил себя за то, что ничего важного там не писал.

— Можно просто Скэриэл, — хмыкнул он. — У тебя на редкость скучный дневник.

Он лениво отбросил блокнот и посмотрел на меня взглядом «вы не оправдали моих ожиданий, мистер Хитклиф».

— Иди в жопу, — бросил я, усаживаясь рядом. Пришлось столкнуть его ноги; конечно же, он не снял кеды. — Это не личный дневник.

— Да я уже понял. Ожидал увидеть тут исписанные моим именем страницы, но здесь только расписание уроков и походов к стоматологу. Кто ведёт запись приёмов к стоматологу, Готи? Чокнутая старушка, которая боится потерять последние зубы?

Я скинул его с кровати и показал средний палец. Растянувшись во весь рост — а он был выше меня на

полголовы, — Скэриэл удобно улёгся на полу. Я отложил ежедневник на прикроватный столик.

Я изредка вёл этот дневник только потому, что его подарил мне отец на пятнадцатилетие. Хотя кто в здравом уме дарит такое подростку? С другой стороны... по телевизору как-то советовали завести дневник, если вам хочется высказаться, но некому. Например, я мог расписать там свои отношения с отцом, с братом, написать про маму, но в этом не было абсолютно никакого смысла. Я не хотел, чтобы настоящий, *личный* дневник, который мог стать бомбой замедленного действия, попал в руки кого-нибудь из семьи. Проще держать всё в голове. Так безопаснее.

— Тяжёлый день? — Иногда Скэриэл вёл себя как мой психолог. Он подложил руку под голову и взглянул на меня.

— Благодаря тебе.

— Да ну? — голос его звучал довольно. — Я пришёл полчаса назад и что-то уже успел натворить?

— Сильвия видела тебя ночью. Мне досталось от отца.

— Эта старая корова сдала меня. — Скэр попытался изобразить недовольство, но вышло очень наигранно. — Что сказал отец?

— Что мне не светит наследство, если я залечу до свадьбы, — расстроено и тихо выдал я.

— Не волнуйся, я обязательно женюсь на тебе, — ответил Скэриэл в том же тоне.

Мы уставились друг на друга и рассмеялись. Я кинул в него подушкой, и, конечно, он увернулся. В следующую секунду он набросился на меня с той

же подушкой и начал душить, при этом смеясь как полоумный.

Мне чертовски не хватало подобных шуток. Как же я устал вечно сдерживать себя, следить за поведением, чтобы не ударить в грязь лицом. Я ведь постоянно на виду у прислуги, одноклассников, преподавателей. Но самое сложное — быть на виду у отца и брата. Они оба возлагают на меня большие надежды. Отец твердит: ты должен быть лучше всех в лицее, должен успешно сдать экзамены, должен поступить в Академию Жалких Грешников — «Боже, Скэриэл!» — ты должен получить высокий уровень тёмной материи, должен то, должен сё. Брат говорит подобное редко, но своим поведением даёт понять: я не должен очернить его репутацию. Гедеон — первый на четвёртом курсе Академии, превосходно владеет тёмной материей и метит в политики. Хочет попасть в Совет старейшин, в круг «действительно достойных и великих». У Скэриэла на этот счёт другое мнение, он называет членов Совета кучкой надменных стариканов, которые возомнили себя пупом земли и не видели жизни дальше своих хором.

За шестнадцать лет я ни разу не дал близким повода усомниться во мне. Не доставлял проблем семье и послушно делал всё, что от меня требовалось. Но с появлением в моей жизни Скэриэла я почувствовал, как скорлупа, которая сдерживала меня все эти годы, треснула. По отцу видно, что он недоволен этим. Он с самого начала воспринимал нашу дружбу как проблему, побочный эффект подросткового возраста; надеялся, что скоро я переболею этим, будто отвратительным вирусом.

Песнь Сорокопута

Но он ошибается. Со Скэром мне хотя бы не нужно что-то из себя изображать. Он вырос за пределами города, там, где живут только полукровки и низшие, но он общается со мной на равных, не лебезит, не пытается угодить. И он ничего от меня не требует и не ждёт. Он принимает меня таким, какой я есть.

И я этому рад.

2

Вскоре после нашего «душевного разговора» отец улетел во Францию на конференцию — что-то связанное с глобализацией экономики. Это бывает часто, так что я привык. Скэриэл тоже пропал. Он вообще часто пропадает неделями: уезжает сдавать контрольные и проверочные в школе. Я не знаю, что представляет из себя его домашнее обучение, поэтому не особенно выпрашиваю подробности.

Когда Скэр не заявляется ко мне без приглашения днём или ночью — я и сам долгое время привыкал к его внезапным визитам, — я тоже усиленно учусь. На книги, эссе, тесты по языкам, тренировки по управлению тёмной материей и проекты по истории уходит всё моё время. В такие дни я забываю обо всём прочем. Если бы не Сильвия, вовремя напоминающая о завтраке или ужине, я мог бы сутками сидеть голодным в своей комнате, ни с кем не общаясь.

Гедеон тоже всегда занят с утра и до вечера — чёрт знает чем, но точно чем-то очень важным, раз встаёт рано, а возвращается, когда я вижу десятый сон. Иногда мне кажется, что он просто не хочет сидеть со мной за одним столом. Так что большую часть времени в доме остаётся лишь прислуга и мы с Габриэлкой, увлечённой репетициями.

Любовь к балету у неё от мамы. Та лично сопровождала Габи в балетную школу и после занятий мило беседовала с учителями. Мама не пропускала выступления, даже если Габриэлла выходила на сцену на пару минут — станцевать десятого лебедя в пятом ряду с краю. Я видел только пять выступлений сестры; иногда болел, иногда был по уши в заданиях, но чаще просто находил поводы избежать похода в балетную школу. Я не разделял мамино восторга от выступлений Габи. Для меня это было очень скучное, в лучшем случае получасовое, в худшем — двухчасовое мельтешение маленьких девочек в воздушных платьицах. Я засыпал в первые десять минут и постоянно боялся, что упаду в проход. Мама тактично будила меня в кульминационные моменты: например, когда я почти сползал с неудобного сиденья, когда начинал говорить во сне или когда на сцене появлялась сестра. Если удача была не на моей стороне, рядом присаживался Гедеон, и тогда вместо мягкого прикосновения мамы я получал болезненный толчок локтем в бок и презрительный взгляд вдогонку.

Иногда мама устраивала вечеринки для родителей и девочек из балетной школы, чтобы Габи могла поддерживать дружеские отношения с остальными ученицами.

— Грэйс, какой чудесный вечер, — ворковали другие мамочки.

Они обменивались приветствиями, обсуждали успехи дочерей и восторгались платьями друг друга, как будто прибыли из каменного века и в жизни не видели женской одежды. Пили шампанское из высоких бокалов и громко смеялись. Дом пестрел воздушными шарами, на столе красовались маленькие пирожные, разнообразные канапе и коктейли, от которых меня воротило. Стоило маме заговорить об очередной такой вечеринке после выступления, я лихорадочно — и успешно! — подбирал вескую причину улизнуть с этого праздника жизни.

Отец очень любил маму и назвал нас всех в её честь: Геден, Готье, Габриэлла. Если бы я не видел проявлений этой любви, не поверил бы ни за что. Но он всегда называл её «дорогая» или «милая»; возвращаясь домой, целовал её в щёку, а уходя рано утром, просил Сильвию не открывать шторы в их комнате, чтобы Грэйс и дальше сладко спала. Отец не выносил, когда мама допоздна ждала его с работы, если он задерживался; жутко злился, когда она встречала его в аэропорту или на вокзале после командировки. «Грэйс, ты с ума сошла! Зачем приехала? Здесь так шумно! Лучше бы дома осталась». Он присылал пышные букеты на каждый праздник, даже если этот праздник никак не касался мамы. И он поддерживал все её затеи, вплоть до самых безумных, как, например, эти балетные вакханалии.

Да, отец почти не проявлял тёплых чувств ко мне или Гедену, зато маме и Габриэлле любви доставалось с лихвой. Он не стеснялся обнимать Габи, целовать её

в лоб и внимательно слушать её лепет. Мы с Гедеоном, заставая эти телячьи нежности, обычно изображали глухих и слепых, как будто перед нами не происходит что-то из разряда «необъяснимо, но факт». Если сюсюканье отца с Габи выходило из-под контроля (однажды они совсем забыли о нас — отец поднял сестру на руки, и они принялись танцевать под мелодию, которую он фальшиво напевал), Гедеон смущённо кашлял в кулак, как бы давая понять, что хочет исчезнуть. В такие минуты я понимал, что чувствует брат, и в глубине сердца теплилась надежда, что не такие уж мы и разные.

Мама.

Она заболела и умерла, когда Габи было шесть лет, а мне — четырнадцать. За год наша весёлая, энергичная мама угасла, ослабла и замкнулась. Когда врачи сообщили, что ей осталось жить от силы неделю, отец начал проводить в её спальне всё свободное время. Габриэлла постоянно плакала. Она могла проснуться среди ночи и побежать в комнату родителей, чтобы проверить, дышит ли мама. Гедеон тогда учился на втором курсе. До сих пор не могу понять, как он успевал горевать по маме, успокаивать отца и сестру и при этом оставаться первым по успеваемости. Иногда мне казалось, что нет силы, способной остановить его стремление попасть в Совет старейшин. Я же просто не мог поверить в происходящее. В тот год я застрял на стадии отрицания, Гедеон, кажется, не сдвинулся со стадии злости, а отец, как всегда, предпочёл торги. Он надеялся, что откупится от беды — искал лучших врачей, тратил все деньги на новейшие лекарства и меди-

цинские технологии. Отец привык решать деньгами все проблемы, но в этот раз не смог.

В день похорон шёл проливной дождь, с севера дул порывистый ветер, словно сама природа не могла принять смерть Грэйс Хитклиф. Я сломал два зонта, промок до нитки и затем полмесяца пролежал с температурой. Я ничего не помню, кроме долгой панихида и ужасной погоды, — будто подсознание пыталось защитить меня и стёрло всё плохое. Я не помню, что говорили священник, гости, отец или Гедеон. Пришёл в себя, только когда выздоровел и понял, что спальня мамы пустует. Её больше не было. Отец оставил всё в комнате нетронутым, но какое теперь это имело значение? Мама наполняла наш дом уютом. На смену уюту пришла тоска.

Я до сих пор жалею о каждой упущенной возможности провести с ней время. Она просила вернуться пораньше из лицея и помочь, но я не хотел и врал, что буду занят (таких случаев могло набраться с десяток). Конечно, ей помогала прислуга, но теперь я понимаю, что мама просто хотела побыть со мной. Она просила прийти на очередное выступление Габриэллы, а я говорил, что у меня полно уроков. Она подарила на Рождество нелепый длинный шарф, который я мигом засунул в самую бездну шкафа. Я никогда не носил этот подарок, и однажды мама сказала под конец зимы: «Милый, если тебе не понравился шарф, ты так и скажи, я не обижусь». До чего же это было гадко с моей стороны. Я мог хоть раз надеть этот шарф при ней! Голова бы не отвалилась, а маме было бы приятно. Но теперь это всё в прошлом. Всё так и останется на моей совести.

Мамы нет с нами уже два года, и мы вернулись к обычной жизни: Габриэлла больше не психует из-за балета, хотя от горя вовсе хотела бросить его. Отец не закрывает на ключ мамину спальню, а Гедеон забрал её рыбок к себе в комнату. Больше нет балетных вечеринок, праздничных букетов по утрам и нелепых подарков на Рождество.

Когда тоска по маме достигла апогея, в наш район переехал Скэриэл Лоу.

Это случилось через полгода после её смерти. По всем новостным каналам, на первых страницах ежедневных газет и по радио тогда заговорили о группировке «падалыщиков» или «крыс» — так их окрестили журналисты. Группировка, состоявшая из низших «носителей смерти», якобы совершала в Октавии громкие заказные убийства. В репортажах говорили: носители, или переносчики, смерти имеют мощный иммунитет против многих заболеваний и вдобавок сами могут переносить вирусную пыль, заражая других. По словам журналистов, на чёрном рынке это самый дорогой вид убийств. Ведь отличить заказной вирус от обычного очень сложно, следовательно, доказать чью-то вину практически нереально — как такое убийство раскроешь?

Я не слишком во всё это верил. Когда однажды за ужином я спросил отца о группировке, тот окинул меня хмурым взглядом и посоветовал не забивать себе голову сомнительной информацией. С другой стороны... в Октавии много опасных болезней, которыми чаще всего заражаются низшие (в основном в Запретных землях), реже — полукровки. До чистокровных болезни доходят через контакты с заражёнными.

Обычно чистокровные семьи живут в центре городов. Мы платим высокие налоги, чтобы полиция усиленно следила за безопасностью. Низших, которым удаётся пробраться в наши районы, быстро отлавливают и доставляют в полицейские участки, где тем приходится сидеть не одни сутки за нелегальное нахождение на чужой территории. А получить разрешение на проход в центр — для них тот ещё квест: нужно обращаться в Отдел Миграции Полукровок и Низших. Я был уверен, что Центральный район в Ромусе, столице Октавии, защищён, но Скэриэл показал, как легко полукровки и низшие обходят подобные ограничения, если это им нужно.

Полиция долгое время не могла выйти на след падальщиков, а репортёры с удовольствием разводили вокруг носителей смерти шумиху. Газеты и журналы пестрели самыми абсурдными заголовками.

«Падальщики работают на чистокровные семьи».

«Переносчики смерти — новый способ избавиться от конкурентов!»

«Главный прокурор Ромуса уверяет, что опасность падальщиков преувеличена».

Но ведь моя мама тоже умерла от болезни. Поэтому вскоре журналисты стали писать о том, что Грэйс Хитклиф, жену крупного финансиста и влиятельного политика, могли убить *крысы*. Фотографии нашей семьи не сходили с первых полос. Перед домом сутки напролёт кто-нибудь дежурил в надежде урвать фотографию расстроенного отца или плачущей Габи. В основном преследовали отца и Гедеона, так как они чаще выходили на улицу. Отец наказал Кевину никуда меня

не отпускать и всегда быть рядом (как будто я вообще куда-то мог уйти один).

Но однажды добрались и до меня.

Я отправился в Музей современного искусства: нужно было сдать эссе о его влиянии на человека. Я и так затянул с этим заданием, потому что никак не мог взяться за учёбу после похорон. Лицей неожиданно пошёл мне навстречу и разрешил сдавать домашние работы позже. Кевин не стал со мной заходить: «Простите, господин Готье, но от всего этого современного искусства меня тошнит, можно я вас подожду в машине?» Конечно, я согласился: во-первых, Кевин впервые что-то у меня попросил (я отмечу этот день в календаре), во-вторых, я хотел не спеша в одиночестве пройтись по галерее.

Я вышел из музея затемно, один. Это стало моей ошибкой, нужно было попросить Кевина зайти за мной. Уже на крыльце на меня налетел невысокий, худой незнакомец. Возможно, он ждал меня с самого начала, просто не мог подойти раньше из-за водителя.

Очередной журналист. Один из тех, кто поджидал отца или Гедеона у нашего дома.

Он защёлкал фотоаппаратом, и меня ослепили вспышки. Встав на пути, мужчина торопливо заговорил:

— Мистер Хитклиф, как вы думаете, вашу маму могли заразить? — Вспышки всё продолжались. — У вашего отца были с кем-нибудь ссоры? Кого вы можете подозревать?

Я прикрыл глаза рукой, как будто это могло меня уберечь (пару снимков моего удивлённого лица он всё же успел сделать), развернулся и вбежал обратно в му-

зей. Слава богу, журналиста не пустила охрана. Он продолжал, стоя у входа, кричать мне вслед: «Мистер Хитклиф, вы слышали что-нибудь о носителях смерти?! Ваше мнение на этот счёт?!»

Ошарашенный, испуганный, я отпрянул. Это было моё первое близкое знакомство с папарацци.

Успокоился я, только миновав холл, забежав за угол и скрывшись с глаз журналиста. Выхватил телефон и на ходу написал сообщение Кевину: «Забери меня у чёрного входа». Не хватало ещё обсуждать случившееся с сотрудниками музея, обеспокоенно смотревшими мне вслед. Меньше всего хотелось вообще с кем-либо говорить. Общение с Кевином с помощью сообщений казалось подарком небес. Впервые я был рад, что мы не слишком близки и не придётся пересказывать ему все детали столкновения.

Я прошёл музейный коридор и снова завернул за угол. Администратор крикнул вслед: «Мистер Хитклиф, постойте!» — и я вдруг пулей ринулся к чёрному входу. Он располагался с другой стороны здания, и я надеялся, что Кевин знает об этом. Мне не улыбалось ещё раз столкнуться с папарацци и тем более выслушивать его гнусные вопросы. Я и так словно обезумел.

«Мама заболела и умерла. Её никто не заразил», — повторял я про себя, как молитву.

На бегу я чуть было не врезался в железную дверь, в последний момент опомнился и остановился, пытаюсь отдышаться. Казалось, за мной гонятся, но это был только стук моего испуганного сердца. Я дышал так, словно у меня чёртова бронхиальная астма и сейчас я отброшу коньки.

Толкнув дверь (на случай чрезвычайных ситуаций они открывались только изнутри), я очутился на улице. Было темно и тихо. Справа находились мусорные контейнеры, слева — пустая дорога, ведущая к проезжей части. Там, где-то вдалеке, люди шли с работы, стояла наша машина и поджидал тот самый журналист. Я замер в дверном проёме, сомневаясь, выйти или нет. Если закрою дверь — потеряю возможность вернуться в безопасный музей. Будет только один выход — к главной дороге.

Я получил сообщение от Кевина: «Подъезжаю» — и медленно пошёл вперёд. Интуиция меня не подвела: я знал, что журналисты не сдадутся так просто. Сзади послышался шум, за мусорными контейнерами кто-то скрывался. И он уже спешил ко мне.

— Мистер Хитклиф, меня зовут Фрэдди, я из «Дэйли ньюс Ромус», хочу задать вам несколько вопросов.

Я опомниться не успел, как он крепко схватил меня за руку. Я закричал и, кажется, стал биться в истерике. Сейчас понимаю, что выглядел, мягко говоря, так, будто у меня припадок. Кажется, крики напугали даже журналиста. Он отпустил меня, но продолжал что-то говорить и вытащил из кармана куртки диктофон.

— Мистер Хитклиф, я...

— А-А-а!

Я правда орал так, словно надеялся, что все сбегутся и спасут меня. Может, кто-нибудь сообразит вызвать полицию. Но произошло другое: внезапно в мужчину кто-то врезался на велосипеде и сбил его на полуслове.

Я ошарашенно заткнулся. Журналист с грохотом рухнул на асфальт; диктофон выпал из его рук. Па-

